

Л. П. Л а ш у к

**В. И. ЛЕНИН О ЗЕМЛЯЧЕСКИХ
И НАЦИОНАЛЬНЫХ СВЯЗЯХ**

Марксистская методология советской этнографии основывается на руководящих идеях В. И. Ленина и прежде всего на его учении о закономерностях исторической смены феодализма капитализмом и этой последней классово-антагонистической формации — социализмом; на учении об общественно-экономических укладах, о генезисе государства, о нации как исторически складывающейся этно-политической общности большой массы людей, о путях решения национального вопроса в Советской России, о некапиталистическом пути развития малых народов Севера и Сибири. Советские этнографы ввели также в свой научный оборот массу конкретных ленинских характеристик тех или иных явлений российской и мировой действительности в дореволюционное время и в первые годы существования Советской власти, глубокие ленинские прогнозы дальнейшего развития социалистической экономики и культуры народов СССР.

Значение теоретического наследия В. И. Ленина особенно возрастает на современном этапе подъема общественных наук, когда, с одной стороны, ощущается настоятельная необходимость серьезных обобщений и методологического осмысления огромного эмпирического материала, а с другой — испытывается потребность усиления критического отношения к различным течениям буржуазной науки в области этнографии и социологии. Вспомним здесь слова В. И. Ленина, сказанные им еще в конце прошлого века: «„Закрывать просто глаза“ не только на буржуазную науку, но даже и на самые нелепые учения до крайнего мракобесия включительно, конечно, безусловно вредно; это — банальное общее место. Но одно дело — не закрывать глаз на буржуазную науку, следя за ней, пользуясь ею, но относясь к ней *критически* и не поступаясь цельностью и определенностью миросозерцания, другое дело — пасовать перед буржуазной наукой и повторять, напр., те словечки о „тенденциозности“ Маркса и т. п., которые имеют совершенно определенный смысл и значение»¹.

Начиная с первых своих теоретических работ — «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов», «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», — В. И. Ленин остро критикует субъективистское направление в буржуазной социологии и отстаивает основные идеи марксистской социологической науки. Защищая марксизм от спекулятивных наскоков мелкобуржуазных идеологов, В. И. Ленин подчеркивал, что марксистский «анализ материальных общественных отношений сразу дал возможность подметить повторяемость и правильность и обобщить порядки разных стран в одно основное понятие *общественной формации*. Только такое обобщение и дало возможность перейти от описания (и оценки с точки зрения идеала) общественных явлений к строго научному анализу их, выделяющему, ска-

¹ В. И. Л е н и н, Полн. собр. соч., т. 3, стр. 636, примеч.

жем для примера, то, что отличает одну капиталистическую страну от другой, и исследующему то, что обще всем им»².

Советская этнография твердо усвоила ту ленинскую идею, что научное воззрение на уклад всей общественной жизни людей должно быть «системным», то есть раскрывающим коренные черты данной системы общественных отношений, в основании которых всегда лежит «особый уклад общественного хозяйства»³. Но, отмечал Ленин, мало еще представить себе «совокупность тех общественных отношений», при которых живут люди, как «нечто определенное, целостное, проникнутое таким-то началом», необходимо об этих отношениях иметь ясное представление, «как об особых исторических общественных отношениях»⁴. Этот принятый советскими этнографами основополагающий принцип решительно отличается от исследовательского метода буржуазных этносоциологов, увлеченных на современном этапе «описанием отдельных обществ в том виде, в каком они есть, не пытаясь доказать что-либо еще, за исключением того, как функционирует данный конкретный образец человеческого многообразия»⁵. Если при этом ставится вопрос о функционировании общества «вообще», функционировании, отвечающем будто бы неизменным потребностям людей, то такой подход, лишенный конкретно-социальной (классовой) и исторической перспективы, не будет по-настоящему содержательным, так как при нем не выясняется «даже возможность обобщения самых различных социальных порядков в особые виды социальных организмов»⁶.

Когда заходит речь о диахроническом и синхроническом аспектах рассмотрения общественных явлений и процессов, то в первом случае изучаемое общество рассматривается в его историческом движении, во втором — в том динамическом состоянии, в котором общество находится в данный момент этого развития, во взаимосвязи и взаимодействии его составных частей — социальных групп. Очень важно материалистическое определение понятия «социальная группа». По В. И. Ленину, «само по себе это понятие слишком еще неопределенно и произвольно: критерий различения „групп“ можно видеть и в явлениях религиозных, и этнографических, и политических, и юридических, и т. п. Нет твердого признака, по которому бы в каждой из этих областей можно было различать те или иные „группы“»⁷. Поясним, что здесь ставится вопрос не об этнической, а о собственно социальной принадлежности некоторых групп людей, о сведении «индивидуального к социальному».

Руководящая идея метода раскрытия социальной структуры содержится в следующих словах В. И. Ленина: «Материализм дал вполне объективный критерий, выделив *производственные отношения*, как структуру общества, и дав возможность применить к этим отношениям тот общенаучный критерий повторяемости, применимость которого к социологии отрицали субъективисты»⁸. Поэтому, когда мы говорим о структурных связях в социальных общностях, то имеем в виду прежде всего материальные формы общения людей, спускаясь при этом «до простейших и таких первоначальных отношений, как производственные»⁹.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. I, стр. 137.

³ Там же, т. 4, стр. 37.

⁴ Там же, т. I, стр. 136.

⁵ Г. Беккер и А. Босков, Современная социологическая теория, М., 1961, стр. 618.

⁶ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. I, стр. 430.

⁷ Там же, стр. 428—429.

⁸ Там же, стр. 137.

⁹ Там же, стр. 136. Выдвигая на передний план сферу производственных социально-экономических отношений, В. И. Ленин видел в ней общественный строй производства, а не только его организационно-трудовую структуру. Поэтому он критиковал тех ученых, которые сбивались «с „общественных отношений производства“ на производство вообще» (Полн. собр. соч., т. 4, стр. 35).

В. И. Ленин призывал к исследованию определенных форм устройства общества, среди которых этнограф с позиций своей науки выделял этнические, — в более широком понимании — этно-социальные общности. Изучение этнических общностей на современном этапе ставит проблему соотношения социальных и этнических факторов, социальной целостности и этнической общности¹⁰. В плане этнической истории нас интересуют генетические корни и исторические связи этно-социальной общности. Собственно, те специфические признаки этнического родства, которые конкретно (со стороны языка, культуры, быта и т. д.) характеризуют этно-социальную общность, как раз и образуют ее историко-генетическую определенность. Но так же важно знать те интегративные социальные связи, которые всегда действуют в глубине этнического массива, формируя его в качестве определенной общественной целостности. Эти связи основываются как на общественном разделении труда, так и на практике длительного общения людей в этнически однородной среде, органический характер которой, в свою очередь, имеет глубокие социальные основания. Теоретической основой изучения этих связей является научное наследие марксизма-ленинизма. Применительно к исторической действительности нашей страны В. И. Ленин неоднократно рассматривал вопрос о смене одних форм общественных связей другими, различающимися между собой качественно, в соответствии с тем, как качественно изменялась их экономическая основа.

Тут мы вплотную подходим к общеизвестной критике В. И. Лениным взгляда народника Михайловского, что национальные связи это будто бы суть «продолжение и обобщение связей родовых». Мысль В. И. Ленина по данному вопросу предельно ясна: русские национальные связи не были ни продолжением, ни обобщением архаических родовых связей древней Руси, напротив, они возникли вопреки не только родовым, но феодальным связям на базе новых экономических условий развивающегося товарного хозяйства. Возникновение и все большее упрочение национальных связей «вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок. Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было не чем иным, как создание связей буржуазных»¹¹.

Процитированный текст широко использован в самых различных сочинениях историков и этнографов, касающихся проблемы национального развития народов России и зарубежных стран. Но гораздо меньше внимания уделялось вопросу о донациональных (или преднациональных) формах общественных связей, о которых В. И. Ленин писал столь же четко и определенно, называя их «средневековыми», «феодальными», «местными», наконец, «земляческими» связями¹². По Ленину, «... в средние века, в эпоху московского царства, ... родовых связей уже не существовало, т. е. государство основывалось на союзах совсем не родовых, местных: помещики и монастыри принимали к себе крестьян из различных мест, и общины, составлявшиеся таким образом, были чисто территориальными союзами. Однако о национальных связях в собственном смысле слова едва ли можно было говорить в то время: государство распадалось на отдельные „земли“, частью даже княжества, сохранявшие живые следы прежней автономии»¹³.

О том, что В. И. Ленин придавал особое историческое значение земляческим связям, свидетельствует следующее его положение: «только

¹⁰ Ю. В. Бромлей, Основные направления этнографических исследований в СССР, «Вопросы истории», 1968, № 1, стр. 48.

¹¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 154.

¹² Там же, т. 2, стр. 207, 208, 214.

¹³ Там же, т. 1, стр. 153.

крупная машинная индустрия (т. е. развитый капитализм.— Л. Л.) вполне разрушает земляческий характер общественных связей и ставит на их место национальные (и интернациональные) связи»¹⁴. К сожалению, столь важная характеристика донациональных связей, определявших собой целую полосу исторической жизни феодальной России (и не только России), как-то не утвердилась в этнографической литературе и даже встречает известное недопонимание, хотя она и присутствует в работах отдельных авторов¹⁵.

Очевидно, есть необходимость восстановить во всех правах научное определение донациональных земляческих связей. Сам этот термин рисуется нам удачным, вполне соответствующим букве и духу русских средневековых документов и представлениям наших предков, нашедшим отражение в русском языке¹⁶. Не обошла вниманием земляческие связи и дореволюционная отечественная историография¹⁷. Внимательное чтение летописных источников показывает, что средневековое русское общество вкладывало в понятие «земля» тот особый смысл, что это — не только страна, край, княжение («волость», «область»), но и населяющая его определенная территориальная и даже этно-культурная общность значительного числа людей.

Древнерусский летописный свод 1113—1118 гг., как известно, открывает особая вводная часть «Повесть временных лет — откуда есть пошла Русская земля, и кто в Киеве нача первее княжити, и откуда Русская земля стала есть». Из этого заголовка ясно, что «Повесть» имела целью по-своему осветить истоки русской государственности, первичное становление Киевско-Русского княжества¹⁸. Однако тот же летописец, обращаясь к более ранним временам, подчеркивает самостоятельность восточнославянских «племенных княжений», но называет из них примерно половину («И по сих братьи держати почаша род их княженъ в Полях, а в Деревлях свое, а Дреговичи свое, а словени свое...» и т. д.)¹⁹. По мнению Б. А. Рыбакова, это «очевидно, объяснялось специальным интересом летописца именно к этой половине племен, составивших впоследствии Русь в ее первоначальном виде»²⁰.

Любопытна и та версия начального летописного свода, что, хотя поляне и их ближайшие соседи все были «от рода словеньска», по отдельности они «имяху бо обычаи свои, и закон отец своих и преданья, каждо свой нрав», к тому же «живяху каждо со своим родом и на своих местах»²¹, то есть некоторым образом отличались друг от друга этнографически. Однако нет оснований считать, что в период политического оформления Киевской Руси эти группировки восточнославянского населения представляли собой отдельные и суверенные племенные социальные образования «военно-демократического» типа. В X в. все это оставалось лишь воспоминанием о прошлых временах.

Начальная летопись сообщает о перипетиях сложных отношений между Киевским «князем русским» и его данниками — населением «Деревьской земли», которая управлялась местным князьком и «лучши-

¹⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 3, стр. 392, примеч.

¹⁵ См., напр., А. Г. Агаев, К вопросу о теории народности, Махачкала, 1965, стр. 52; К. И. Козлова, Специфика этнической общности марийцев в период присоединения к России, «Сов. этнография», 1968, № 6, стр. 37.

¹⁶ По В. Далю: «Земля — страна, народ и занимаемое им пространство, государство, владение, область, край, округ — (И пришла на них ростовская земля — народ, войско)... Земля — единоземец, одноземец, соземец, рожденный в одном с кем-либо государстве, области, местности... Землячество — состояние земляков, взаимность этого отношения». («Толковый словарь», т. 1, М., 1955, стр. 678—679).

¹⁷ См., например, сб. «Киевская Русь», под ред. В. Н. Сторожева, т. 1, М., 1910, стр. 230—234; В. О. Ключевский, Соч., т. 6, М., 1959, стр. 133—134.

¹⁸ Б. А. Рыбаков, Древняя Русь, М., 1963, стр. 218.

¹⁹ «Повесть временных лет», СПб., 1910, стр. 9—10.

²⁰ Б. А. Рыбаков, Указ. раб., стр. 228.

²¹ «Повесть временных лет», стр. 8, 12.

ми мужи, иже дерьжаху Деревьску землю». Известны и последствия окончательного разгрома восставших против киевской власти древлян: на них была наложена «дань тяжкая», часть их угодий отошла в пользу княжеского домена, некоторые люди попали в полную кабалу (в «рабство») к киевским дружинникам — «мужам»²².

В этой связи позволим себе сделать пространную выдержку из сочинения А. Е. Преснякова, совершенно справедливо заметившего, что «... как только восточное славянство выступает на свет истории, уже организованное в политической форме Киевской Руси, перед нами картина такого строя народной жизни, который ничего общего с племенным бытом не имеет. Страна... разделена на ряд „земель“; каждая из этих „земель“ тянет к одному главному своему городу, составляя его „воласть“, а все земли вместе объединены в один сложный политический организм под главенством Киева. Вопрос о том, как представить себе процесс перехода от древнейшего племенного быта к историческому строю городских земель-областей, труднейший в истории древней Руси. Все попытки вывести второе явление из первого в виде органической эволюции не дают никакого результата и обречены на неизбежную неудачу. Городские волости-земли явились на развалинах племенного быта, не из него выросли, а его разрушали»²³.

Обрисованный социальный процесс перестроил структуру общественных связей в раннефеодальном обществе, заменив ранее господствовавшие среди населения связи по признаку родства связями по принципу соседской экономической заинтересованности. Сложилась и политическая система в форме сложно субординированной иерархической лестницы общественных положений, состояний, степеней господства и зависимости, различных ролей и функций в управлении общественной жизнью древней Руси. Эта сложная сеть социальных отношений «перекрыла» прежние автономные «земли» племенного типа. Но исторически заложенные в них диалектные, хозяйственные, культурно-бытовые и прочие основания и особенности «земляческой» общности долгое время не были преодолены. Они давали себя знать в любом случае «самоопределения» местного населения по отношению к крестьянской массе и господствующему слою соседних «земель» и княжений²⁴. Как бы в XI—XII вв. на перекраивались феодальные уделы — «волости», они обыкновенно составляли только части официально признаваемых «земель»: так, земля Черниговская делилась на Черниговскую собственно, Курскую и Трубчевскую «волости»²⁵.

Формирование Русского государства — прямого наследника древней Руси — с центром в Москве также началось путем собирания воедино многих земель Северо-Восточной Руси²⁶. Процесс этот происходил при более развитых, чем в Киевской Руси, феодальных отношениях. Во всех уделах (позднее уездах) централизованного государства, особенно на окраинах, шел процесс усиленного смешения русского и нерусского населения. Тем не менее, в отдельных областях по-прежнему, хотя и в ином оформлении, господствовали чисто земляческие связи, этнографи-

²² «Повесть временных лет», стр. 53, 58.

²³ А. Е. Пресняков, Лекции по русской истории, т. 1, М., 1938, стр. 62.

²⁴ «Правда Русская» в пространной редакции отразила публично-правовое обособление друг от друга «городовых земель» (например: «А из своего города в чюужю землю свода нетуть») и особое положение «чюужеземцев» на местных городских торгах — статья 55 «О долзе» («Правда Русская», М.—Л., 1940, стр. 22—23, 25). Еще ярче такое же положение отдельных «земель» (polensch lant) в государстве обрисовано в «Польской правде» XIII в. (Б. Д. Греков, Избранные труды, т. 1, М., 1957, стр. 438—439).

²⁵ В. О. Ключевский, Соч., т. 6, стр. 134.

²⁶ Подробное освещение этого процесса см. в кн.: «Очерки истории СССР (XIV—XV вв.)», М., 1953, раздел «Дальнейшее политическое объединение русских земель» в конце XIV — начале XV в. в.

чески выраженные спецификой диалекта и быта, крестьянским «своеземским» самосознанием и обоюдными «симпатиями» друг к другу рядовых «одноземцев», «земляков».

Особенно отчетливо это видно в областях с черносошным населением, пользовавшихся «земским» самоуправлением (например, земли Каргопольская, Двинская, Вятская). Очень интересна Вятская земля, которая в XIV—XV вв. успешно отстаивала свою самостоятельность от посягательств со стороны других феодальных центров²⁷. Вятчане гордо называли себя людьми «всей земли Вяцкой», управлялись собственными самостоятельными «людьми болшими», но в 1489 г. вынуждены были под угрозой истребления бить челом московским воеводам «на всей воле великого князя», а год спустя «воеводы великого князя Вятку всю розвели», то есть положили конец ее самостоятельности²⁸. Однако этнографические особенности и собственное имя («вятчане», «люди вятчкие») этой своеобразной земляческой общности русского населения Вятского края сохранялись и много столетий спустя.

Но как бы ни были интересны для этнографической науки земляческие группировки русского населения, их история не должна заслонять от нас историю формирования средневековой русской народности. Впрочем, это вопрос особого исследования, а в данной статье мы постараемся только определить соотношение между народностью и земляческой группировкой. В общем плане — это органическое соотношение между этническим целым и его составной частью примерно в том же роде, как и соотношение между основным языком и его диалектом, который в силу своего более или менее «автономного» развития или влияния со стороны иноязычного окружения может иметь заметные отличия от своего генетического источника.

Конечно, история языка не отражает полностью сложных этносоциальных процессов. В рукописи «Франкский период» Ф. Энгельс подчеркивал самостоятельное и первенствующее значение исторической перестройки социальных связей и форм общения в среде средневековых германцев: «Это прежде всего сказалось на народе в целом. Общее происхождение все в меньшей степени воспринималось как подлинное кровное родство, память о нем все больше ослабевала, оставались лишь общая история и общее наречие. Напротив, сознание кровного родства у жителей каждого отдельного округа, естественно, сохранялось дольше. Таким образом, народ превратился в более или менее прочную конфедерацию округов»²⁹. Здесь отражен только начальный этап формирования средневековой народности, на котором сложившиеся на развалинах не столь уж давних территориально-племенных общностей новые земляческие группировки еще сохраняют живые остатки социально-бытовой обособленности. Как долго проявляются такого рода различия — зависит от конкретно-исторических условий общественной жизни данной этнической общности и может быть определено только посредством специального исследования. Готовых рецептов и схем тут предложить нельзя. В России земляческие связи господствовали веками, и это имело под собой глубокое историческое основание, следующим образом обрисованное В. И. Лениным: «Законом докапиталистических способов производства является повторение процесса производства в прежних размерах, на прежнем техническом основании: таково барщинное хозяйство помещиков, натуральное хозяйство крестьян, ремесленное производство промышленников... При старых способах производства хозяйственные единицы могли существовать веками, не изменяясь ни по характеру, ни по величине, не выходя из пределов помещичьей вотчины, крестьянской де-

²⁷ М. Богословский, Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в., т. I, М., 1909, стр. 2—3.

²⁸ «Устюжский летописный свод», М.—Л., 1950, стр. 97.

²⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 496.

ревни или небольшого окрестного рынка для сельских ремесленников и мелких промышленников (так называемых кустарей)»³⁰. Конечно, и в такой среде даже при слабом развитии межрайонного разделения труда устанавливаются коммуникативные цепочки от селения к селению и происходит малозаметный («молекулярный») взаимообмен — демографический, хозяйственный, культурный и т. д., но сфера его действия более всего проявляется в узких границах областной, «земляческой» общности одноязычного населения.

Важно отметить, что в понятие «земля» русские люди XV—XVII вв. обычно вкладывали и собственно этническое содержание, когда речь заходила об исторически сложившихся группировках нерусского населения, фактически отдельных племенных общностях³¹. В Сибири это были большие и малые «землицы» (позднее «волости») с людьми различного происхождения, разной диалектной и родо-племенной принадлежности. Вот несколько примеров: в начале XVII в., когда встал вопрос об основании Красноярского острога, русские служилые люди были посланы «вверх по Енисею реке в новые землицы» на разведку, которая увенчалась успехом в Качинской (Тюлкиной) земле: «...и в той де Качинской земле места ужожи есть, острог поставити и пашня пахати немалая мочно... А только де в Качинской земле острог поставят, и братских и киргизских и иных земель людей под государеву царскую высокую руку приведут, и государю будет прибыль немалая»; в 1626 г. воевода Кузнецкого острога посылал в «новые земли» — Мутарскую (Моторскую) и Тубинскую — служилых людей, чтобы объяснить «тех новых людей Мутарцов и Тубинцов». В 1630 г. жители Енисейского острога жаловались, что новый Красноярский «острог Енисейскому острогу от тунгусских и от налягов и от чипогуров и от братских людей и от других земель не оборонь»³².

Вышеизложенный конкретно-исторический материал может показаться слишком уж пространным отвлечением от основной линии теоретической по замыслу статьи. Однако этот экскурс в историческую этнографию некоторых народов России вполне оправдан, ибо он, во-первых, показывает те научные основания, которые послужили В. И. Ленину для определения типичных для докапиталистических обществ земляческих связей, а во-вторых, еще раз обращает внимание читателя на одну из интереснейших проблем, которая заслуживает большего внимания со стороны этнографов.

В рассмотренном плане феодальная Россия не была исключением. Сходную по типу смену связей родовых территориально-соседскими, а племенных — земляческими переживали многие народы. В отношении Западной Европы этот процесс в важнейших его проявлениях прослежен Марксом и Энгельсом. Так, изучая социально-политическую структуру германцев в период «переселения народов» V—VI вв. и позднее, Ф. Энгельс пришел к выводу, что «с ростом численности народа и дальнейшим его развитием (германцы.— Л. Л.) все больше и больше забывали о союзе, основанном на кровном родстве и служившем здесь, как и повсюду, основой для всего строя народной жизни»; что с расселением германцев по римским провинциям «новые области на римской территории уже с самого начала представляли более или менее произвольно созданные — или обусловленные ранее существовавшими здесь отношениями — судебные округа или очень скоро становились таковыми»; что, наконец, «народ растворился в союзе мелких сельских общин, между которыми не существовало никакой — или почти никакой — экономической связи, так как каждая марка удовлетворяла свои потребности собствен-

³⁰ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 3, стр. 57.

³¹ По терминологии «Начальной летописи», это «суть нини языци, нже дань даютъ Руси: Чюдь, Меря, Весь, Мурома, Черемись, Морьдва, Пермь, Печере...» и т. д.

³² С. В. Бахрушин, Научные труды, т. IV. М., 1959, стр. 14, 15, 17, 18, 24.

ным производством... Вследствие такого состава народа только из мелких общин, экономические интересы которых были, правда, одинаковые, но именно поэтому и не общие, условием дальнейшего существования нации становится государственная власть, возникающая не из их среды, а враждебно им противостоящая и все более их эксплуатирующая»³³.

В принадлежащем перу Ф. Энгельса историческом сочинении «Крестьянская война в Германии» красной нитью проводится мысль, что господство узкоместных, земляческих связей было очень длительным и что в начале XVI в. «цивилизация в Германии существовала лишь местами, сосредоточиваясь вокруг отдельных промышленных и торговых центров; интересы даже этих отдельных центров сильно расходились; лишь кое-где едва обнаруживались точки соприкосновения... Из сельского населения только дворянство вступало в соприкосновение с более широкими кругами и с новыми потребностями. Крестьянская же масса никогда не выходила за пределы ближайших местных отношений и связанного с ними узкого местного горизонта»³⁴.

Подробно освещая социально-политическую обстановку в канун и в самом ходе Крестьянской войны 1525 г., Ф. Энгельс делает упор на том, что местная и провинциальная раздробленность и неизбежно порождаемая ею местная и провинциальная («земляческая») узость кругозора привели все движение к гибели, что ни бюргеры, ни крестьяне, ни плебеи не оказались способными на объединенное общенациональное выступление против феодально-клерикального засилия. Общенациональное движение в Германии начала XVI в. (объективно буржуазного содержания) еще не имело прочных социально-экономических оснований: «Группировка столь разнообразных в то время сословий в более крупные объединения была почти невозможна уже в силу децентрализации, независимости отдельных местностей и провинций друг от друга, взаимной отчужденности провинций в промышленном и торговом отношении и плохого состояния путей сообщения»³⁵. Так как и после Крестьянской войны Германия на столетия осталась экономически и политически раздробленной, процесс становления в ней общенациональных связей происходил крайне медленно и противоречиво, завершившись в основных чертах лишь во второй половине XIX в. в рамках реакционной прусско-полицейской государственности³⁶.

В сочинениях В. И. Ленина дано цельное марксистское учение о содержании и формах национального движения в эпоху поднимающегося капитализма и в тот период, который «характеризует зрелый и идущий к своему превращению в социалистическое общество капитализм»³⁷, а также в эпоху становления политически победившего социалистического общества. Исходя из классовых позиций революционного пролетариата, В. И. Ленин особо подчеркивал: «Принцип национальности исторически неизбежен в буржуазном обществе, и, считаясь с этим обществом, марксист вполне признает историческую законность национальных движений. Но, чтобы это признание не превратилось в апологию национализма, надо, чтобы оно ограничивалось строжайше только тем, что есть прогрессивного в этих движениях»³⁸. Безусловно прогрессивен подъем национальной угнетенной массы, страдающей как от обветшалых остатков феодализма, так и от крепнущего великодержавного господства ка-

³³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 496.

³⁴ Там же, т. 7, стр. 347.

³⁵ Там же, стр. 359.

³⁶ Касаясь вопроса о проведенном Бисмарком объединении Германии с помощью политики «крови и железа», современный немецкий автор-марксист пишет: «Национальное чувство масс... было привязано к колеснице государства господствующего класса, к его политике — оно было отделено от его демократического содержания». (В. Хайзе, В плену иллюзии, М., 1968, стр. 370).

³⁷ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 24, стр. 124.

³⁸ Там же, стр. 131—132.

питалистов. Прогрессивно революционно-демократическое движение за суверенность и свободу каждой отдельной сформировавшейся нации. Но никогда не следует забывать опасности влияния на трудящиеся массы буржуазного (и клерикального) национализма, любых попыток приспособления социализма к национализму³⁹. Классовая линия пролетариата и его передовой партии предельно ясна: «Никакого закрепления национализма пролетариат поддерживать не может,—напротив, он поддерживает все, помогающее стиранию национальных различий, падению национальных перегородок, все, делающее связи между национальностями теснее и теснее, все, ведущее к слиянию наций. Поступать иначе—значит встать на сторону реакционного националистического мешанинства»⁴⁰.

Сущность национального вопроса в марксистском понимании хорошо изложена в советской литературе, в специальных публикациях зарубежных марксистов-политиков и ученых. Столь же обстоятельно рассмотрена проблема зарождения и развития национальных движений в разных странах. Но это нисколько не исключает необходимости дальнейшего, более углубленного теоретического осмысления социальных и экономических основ национальных связей, возникающих в определенной исторической обстановке. В сложном и противоречивом общественном содержании этих связей аккумулируются и общие потребности развития производительных сил при этнодемографической концентрации одноязычного населения, и возросшие потребности этого населения в разностороннем общении, и объективные тенденции политической интеграции социально многообразной этнической среды.

В историческом плане этот процесс конспективно освещен В. И. Лениным следующим образом:

«Эпоха национальных движений—конец средних веков и начало нового времени, эпоха *буржуазно-демократических* революций. *Везде* и всюду национальные движения в это время.

... Экономические основы? Капитализм требует сплочения внутреннего рынка. Рынок есть центр торговых сношений. Главное орудие человеческих торговых сношений есть *язык*.

... Сплочение национальных областей (воссоздание языка, национальное пробуждение etc.) и создание *национального государства*. Экономическая необходимость его.

... Политическая надстройка над экономикой. Демократизм, суверенность нации. *Inde* (отсюда.—*Ред.*) *„национальное государство...“*⁴¹.

Материальным основанием национальных связей служат широкое общественное разделение труда и товарное хозяйство при налаженной системе рыночных отношений. Выросший на базе промышленного производства и глубоко внедрившийся затем в сельское хозяйство, капитализм исторически создает общественный характер производства в целом государстве, причем крепнущие рыночные отношения разрушают средневековые общественные связи, ставя «на их место связи между *массами индивидов*, не связанных ни общиной, ни сословием, ни профессией, ни узким районом промысла и т. п.»⁴². Особенно активно действует в этом направлении крупная машинная индустрия—и непосредственно сама, как широко организованное производство, и через посредство многих ее экономических придатков,—стирая «местные, земляческие и профессиональные различия» между массой производителей, связи между которыми в главном и решающем имеют «более глубокое значение, основан-

³⁹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 24, стр. 238.

⁴⁰ Там же, стр. 133.

⁴¹ Там же, т. 24, стр. 385.

⁴² Там же, т. 2, стр. 214.

ное на общности ролей в народном хозяйстве, а не на территориальных, профессиональных, религиозных и т. п. интересах»⁴³.

В период становления национальных связей в масштабах целой страны огромную массу формирующейся нации составляет сельское население, которое не сразу и не во всех своих подразделениях втягивается в орбиту торгово-промышленной деятельности. Для судеб этого прогрессивного процесса очень важно полное проникновение обмена «до последней крестьянской семьи». Именно тогда капитализм выполняет свою миссию: «... разрушает местную замкнутость и ограниченность, заменяет мелкие средневековые деления земледельцев — крупным, охватывающим целую нацию, разделением их на классы, занимающие разное место в общей системе капиталистического хозяйства»⁴⁴.

Конечно, развитие это очень противоречиво, ибо, во-первых, его исходным пунктом служит «то различие положения и интересов, которое создано капитализмом и разложением крестьянства»⁴⁵; во-вторых, капитализм «создает новые общественные классы, по необходимости стремящиеся к связи, к объединению, к активному участию во всей экономической (и не одной экономической) жизни государства»⁴⁶; в-третьих, «капитализм в то же время раскалывает все общество на крупные группы лиц, занимающих разное положение в производстве, и дает громадный толчок объединению внутри каждой такой группы»⁴⁷, то есть общественного класса.

Таков в самых общих чертах социально-экономический аспект формирования наций при капитализме. При этом, естественно, надо учитывать всю многоплановость национального объединения, которое в целом есть конкретное воплощение исторически сложившихся этногенетических и социальных связей населения на определенной территории. Национальные связи охватывают широкий круг явлений, включая язык и традиционные формы культуры и быта. В. И. Ленин называл одним из требований национально-буржуазного развития «требование возможно большего единства национального состава населения, ибо национальность, тождество языка есть важный фактор для полного завоевания внутреннего рынка и для полной свободы экономического оборота»⁴⁸. Отсюда и стремление буржуазии в период подъема капитализма замкнуться в рамках «своего» национального государства, в котором ей обеспечивается полное господство над всеми слоями населения.

Марксистская партия российского пролетариата, будучи последовательным сторонником свободы и самоопределения всех наций, всегда отстаивала необходимость их демократического союза в одном большом государстве: «Разграничение наций в пределах одного государства вредно, и мы, марксисты, стремимся *сблизить и слить* их. Не „разграничение“ наций — наша цель, а обеспечение полной демократией их равноправия...»⁴⁹. В условиях российской действительности это отвечало объективным потребностям исторического развития еще при капитализме, ибо и тогда развитие производительных сил требовало «больших, государственно-сплоченных и объединенных территорий, на которых только и может сплотиться, уничтожая все старые, средневековые, сословные, узкоместные, мелконациональные, вероисповедные и прочие перегородки, класс буржуазии, — а вместе с ним и его неизбежный антитип — класс пролетариев»⁵⁰.

⁴³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 2, стр. 207.

⁴⁴ Там же, т. 3, стр. 313.

⁴⁵ Там же, стр. 236.

⁴⁶ Там же, стр. 382.

⁴⁷ Там же, стр. 600.

⁴⁸ Там же, т. 24, стр. 147.

⁴⁹ Там же, стр. 238.

⁵⁰ Там же, стр. 143—144.

Еще за несколько лет до Великой Октябрьской социалистической революции В. И. Ленин, исходя из тактических задач классовой борьбы пролетариата всех национальностей России, приветствовал «возможно тесное экономическое сплочение крупных территорий, на которых бы могла широко развернуться борьба пролетариата с буржуазией»⁵¹. История триумфального шествия Советской власти по стране, гражданской войны и начала строительства Союза Советских Социалистических Республик показала всему миру, насколько прав был в этом вождь русского пролетариата.

Советские историки и этнографы сделали многое в области изучения процессов становления наций и национальных союзных и автономных образований в нашей стране. Этот опыт общих и региональных исследований имеет большое международное значение. Но мы не можем еще сказать, что в данной области сделано все (или почти все) в строгом соответствии с требованиями объективно-научной доказательности, на базе широких историко-социологических обобщений. Еще встречаются попытки умозрительно «формировать» отдельные нации без раскрытия сложных и многоплановых процессов этнического развития народов, совместно пошедших по социалистическому пути.

Вспомним еще раз, насколько серьезно относился В. И. Ленин к определению конкретных путей и возможностей перехода тех или иных (в том числе, конечно, и национальных) районов России к крупному социалистическому хозяйству, построенному на машинной индустрии. Он указывал, что «...конкретные условия и формы этого перехода неизбежно являются и должны быть разнообразными в зависимости от тех условий, при которых начинается движение, направленное к созданию социализма. И местные отличия, и особенности экономического уклада, и бытовые формы, и степень подготовленности населения, и попытки осуществить тот или иной план — все это должно отразиться на своеобразии пути к социализму в той или иной трудовой коммуне государства»⁵².

В этих словах изложена целая программа актуальнейших исследований, которую предстоит еще выполнить совместными усилиями научных работников смежных обществоведческих дисциплин.

SUMMARY

Historical data on Eastern and Western Europe is interpreted in the light of Lenin's teaching on the succession of typical forms of social ties in accordance with qualitative changes in their economic basis. Purely local (*zemlyatcheski*) ties among predominantly agricultural population loosely integrated in the systems of Mediaeval states are illustrated by data from Russian and German history, as well as the overcoming of these limitations in national states with a capitalist market. A general definition of the different historical types of social ties is proposed:—the local (*zemlyatcheski*) ties formed on the basis of a hierarchical system of dependence as to land and person under subsistence economy; the national—arising on the basis of a widening social division of labour through a system of market economy. The problem of further study of ethnic processes is posed with a more profound utilization of the heritage of Lenin's theory.

⁵¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 24, стр. 143.

⁵² Там же, т. 36, стр. 152.